

Алиев Руслан Ханкарович

соискатель кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИСТОЧНИКИ
КРИМИНАЛИЗАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Аннотация:

Причинный комплекс насильственной преступности неразрывно связан с современными условиями жизни общества, произведен от общих причин и условий преступности и заключается во взаимодействии негативных факторов в социально-экономической, социально-культурной, воспитательной, политической, правовой, организационно-управленческой и технической сферах жизни общества.

Ключевые слова:

Насильственная преступность, криминализация общества, политико-правовые источники.

Aliyev Ruslan Hankarovich

Competitor of the Criminal Law of
Krasnodar University of Russian Interior Ministry

**POLITICAL AND LEGAL
CRIMINALIZATION SOURCES OF
RUSSIAN SOCIETY**

The summary:

Complex of reasons violent crime is inextricably linked with the modern conditions of social life, is performed from the common causes and conditions of crime and lies in interacting negative factors in the socio-economic, socio-cultural, educational, political, legal, organizational, managerial and technical aspects of society.

Keywords:

Violent crime, the criminalization of society, political and legal sources.

Значительное место в ряду криминогенных факторов политического характера занимает проблема организации власти в государстве. Создание нового российского демократического государства сопровождалось постоянным процессом неоднократного изменения структуры органов исполнительной власти, при этом наблюдалась ее нерациональность и противоречия между различными ее уровнями. В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов отметили, что многочисленные и чаще всего неоправданные и малоэффективные реформации, ликвидации, в том числе и сознательная дискредитация, государственных (в частности, правоохранительных) органов привели к беспрецедентному по своим масштабам «разгону» высококлассных профессионалов-специалистов органов КГБ, ФСБ, МВД, прокуратуры и др. [1].

В ряде случаев до конца непродуманные и необеспеченные механизмом исполнения государственных решения существенно осложняют социальное положение в стране. В России, по сути, сложилась ситуация, когда государство, декларируя заботу о населении, не отвечает по своим обязательствам. Это вызывает недоверие народа к руководству страны. В обществе распространяется и закрепляется представление о бессилии закона, правовом беспределе, о бесполезности обращения за помощью в правоохранительные органы, что ориентирует на самостоятельные способы разрешения конфликтных ситуаций [2]. В частности, события последних двух лет обусловили ухудшение мнения населения к действительности. По данным социологов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), основные негативные изменения произошли в оценках россиян собственного положения дел, впервые с мая прошлого прекратилась тенденция роста приспособленности (адаптации) россиян к происходящим в стране переменам. В январе 2005 г. по сравнению с декабрем 2004 г. число тех, кто считает, что уже приспособился к переменам, сократилось с 65 до 57%, а число тех, кто считает, что «никогда не приспособится», выросло с 16 до 22% [3]. Все меньше становится людей, считающих, что дела в стране идут в правильном направлении. За семь месяцев – с мая 2004 г. по январь 2005 г. – их количество уменьшилось с 26 до 15%, а в то же время выросло число несогласных с этим утверждением – с 31 до 38% [4].

Законодательство играет значительную роль в регулировании функционирования государства и предупреждении преступности. Однако очевидно несоответствие развития права в первые годы становления Российского государства с реальной действительностью. В России в 90-х гг. XX в., как очень верно определил А.Я. Сухарев, сложилась во многом парадоксальная ситуация, когда государство само, по существу, создало властно-управленческий вакуум в острой сфере жизни – социально-правовой, был заметно ослаблен контрольный механизм государства и возник дисбаланс между экономическими, политическими реалиями обновляющегося общества и явным запаздыванием их правового обеспечения [5].

В свое время концепция реформы российского уголовного законодательства предполагала приведение его в соответствие с криминологической реальностью. То есть, изменения в уголовном законодательстве и других отраслях права криминального цикла должны были быть

криминологически обоснованы, при этом предполагался тщательный учет выявленных и прогнозируемых тенденций преступности, ее структуры, новых видов, контингента преступников и т.п. Существенную помощь в этом плане могла бы оказать криминологическая экспертиза тех или иных законодательных новелл [6]. Однако криминологические познания крайне редко использовались при принятии важнейших правовых документов 90-х гг. прошлого века и начала XXI в.

Серьезные проблемы существуют в области предупреждения преступности. Как справедливо заметил Э.Ф. Побегайло, «рост преступности в России происходил на фоне безудержной «либерализации» и «гуманизации» уголовного законодательства и правоприменительной практики, когда даже само понятие «борьба с преступностью» применительно к деятельности уголовной юстиции было объявлено «вульгарной идеей», несовместимой со шкалой либеральных ценностей. В результате мы имеем то, что имеем» [7].

Законодательство, с криминологической точки зрения, изменялось довольно бессистемно и противоречиво. Действующий закон практически не ориентирует сотрудников правоохранительных органов и судей на полное исследование причин преступлений, т.е. обстоятельств, генетически связанных с преступным поведением. Это требует выявления во взаимодействии характеристик лиц, совершающих преступления и внешней для них среды, включая механизмы такого взаимодействия. В части 2 ст. 73 УПК РФ говорится, что подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, однако ничего не говорится о необходимости установления причин преступлений. Неудовлетворительное изучение причин и условий преступлений негативно влияет на разработку общего и специального предупреждения преступлений [8].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство, даже с учетом внесенных в него многочисленных изменений и дополнений, недостаточно эффективно позволяет использовать в уголовном судопроизводстве результатов оперативно-розыскной деятельности, частной детективной и охранной деятельности. Между тем, разоблачение преступников, совершивших корыстно-насильственные преступления, во многих случаях возможно лишь при использовании специфических негласных средств.

Кроме того, УПК РФ запрещает заочное предъявление обвинения и избрание меры пресечения, вследствие чего подозреваемые и обвиняемые получили возможность в массовом порядке уклоняться от привлечения к уголовной ответственности. Неоправданно либерально подходят суды и органы следствия к избранию меры пресечения – заключению под стражу.

Уголовный закон, на наш взгляд, также содержит ряд недостатков, снижающих его предупредительный потенциал. В частности, в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ из Уголовного кодекса исключен институт неоднократности преступлений (ст. 16). В результате подобных изменений из статей Особенной части УК РФ исключен квалифицирующий признак – неоднократное совершение деяния. Как верно отмечается в литературе, это объективно соответствует интересам профессиональных и организованных преступников, которым удается успешно до разоблачения совершить не одно преступление.

На состояние преступности негативное влияние в переходном периоде оказала значительная либерализация судебной практики. Несмотря на разгул криминала, широкое распространение получила практика назначения наказания ниже низшего предела, нежели предусмотрено законом.

Серьезные проблемы существуют в области предупреждения преступности. Как отметил А.И. Алексеев, «серьезной ошибкой, допущенной на старте реформ, был отказ от идеи приоритетности предупреждения в ряду основных направлений борьбы с преступностью и во многом связанный с этим развал системы социальной и специальной криминологической профилактики. Сдача позиций в данной сфере происходила под превратно понимаемыми лозунгами демократизации и либерализации жизни общества, утверждения свободы личности, защиты ее прав и свобод. Именно этим, например, оправдывались скоропалительные решения об отмене уголовной ответственности за бродяжничество, ведение паразитического образа жизни, нарушение паспортных правил, злостное нарушение правил административного надзора, принудительного лечения алкоголиков и наркоманов (кроме случаев его применения в соответствии с УК РФ) и тому подобные внешне гуманные акции» [9]. В начале 90-х гг. XX в. была фактически разрушена прежняя система профилактики преступлений, а образовавшийся вакуум, как отметил С.И. Герасимов, не был восполнен новыми организационными и правовыми мерами профилактики, что стало одним из факторов, обусловивших рост преступности [10].

Период реформ российского общества сопровождался не только разгулом и дальнейшим нарастанием преступности, но и кризисом системы ее предупреждения, фактическим ее разрушением. В условиях острейших политических и социальных противоречий, кризиса законности,

правового нигилизма правоохранительные органы оказались как бы один на один с преступностью. Боязнь, непонимание происходящего, подавленность населения из-за разгула преступности деформировали сознание многих людей, еще более увеличив дистанцию с правоохранительными органами, что серьезно снижало антикриминогенный потенциал правоохранительной деятельности. Подрывалась материально-техническая база прежней системы профилактики. Закрывались приемники-распределители для бродяг, лечебно-трудоустроительные профилактории, реформировывались профилактические подразделения милиции. Одновременно была свернута работа по правовому воспитанию и правовому обучению населения [11]. Указанное крайне негативно повлияло на состояние правопорядка в стране.

До сих пор не принят Федеральный закон «О предупреждении преступлений», который бы явился правовой основой для согласованной эффективной деятельности правоохранительных органов. Как отметил бывший первый заместитель министра внутренних дел Российской Федерации генерал-полковник милиции А.А. Чекалин: «Процесс предупреждения преступности не имеет самостоятельной эффективной правовой базы на федеральном уровне. Действующие правовые нормы разбросаны по различным отраслям законодательства, зачастую фрагментарны, несогласованы между собой и тем самым не способствуют консолидации профилактической деятельности различных субъектов» [12]. Федеральные программы борьбы с преступностью и программы борьбы с отдельными видами преступлений принимаются с опозданием, поэтому их предупредительное значение малоэффективно, так как осуществление указанных программ происходит в условиях уже совершающихся преступлений. По мнению В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова, принимаемые законы нередко безнадежно запаздывают, не всегда адекватны, порой входят в явное противоречие с криминологией и сами по себе могут представлять весьма уязвимую сферу для криминогенности [13]. В частности, в качестве примера можно привести принятый в декабре 2001 г. УПК РФ. Как отмечает А.И. Алексеев, в новом УПК РФ получил законодательное закрепление курс на выхолащивание предупредительной функции уголовного судопроизводства. И это, по его мнению, «не может не сказаться отрицательно на конечных результатах противодействия преступности. Отныне предупреждение преступлений не фигурирует среди задач уголовного судопроизводства, а принятие мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, сформулировано как право, а не обязанность органов дознания, следствия, суда» [14]. Аналогичной точки зрения придерживается А.Д. Бойков, утверждающий, что в УПК вообще не идет речь ни о борьбе с преступностью, ни о неотвратимости наказания; с точки зрения борьбы с преступностью многие его положения снижают эффективность уголовного преследования и даже делают его беспомощным; главная и чуть ли не единственная задача судопроизводства по новому УПК состоит в защите подозреваемого и обвиняемого от злонамеренного следователя [15].

Серьезным просчетом законодателей была отмена уголовной ответственности за уклонение от административного надзора как превентивного контроля за наиболее рецидивоопасными категориями лиц, освобожденных из мест лишения свободы. После отмены с 1 июля 2002 г. административного надзора ежегодно более 70 тыс. таких лиц остаются без гласного контроля со стороны милиции, лишившейся довольно эффективных, в целом соответствующих мировой практике мер сдерживания, упреждения, недопущения криминальной активности, ее пресечения на ранних стадиях [16].

Практически свернута работа по социальной реабилитации лиц, освободившихся из исправительных учреждений после отбытия наказаний. Не получив содействия в трудоустройстве, организации быта, данные лица, чтобы прокормиться, возвращаются, зачастую, к преступному промыслу.

В 90-х гг. XX в. упал престиж работы в правоохранительных органах, вследствие оттока квалифицированных сотрудников в коммерческие, частные охранные и другие структуры они понесли значительные кадровые потери, урон делу противодействия преступности нанесен чехардой реорганизаций, частой сменой руководства правоохранительных органов, кроме того, практически утрачены существовавшие ранее многосторонние связи сил правопорядка с населением [17].

Организационные факторы существенно затрудняют осуществление мероприятий по предупреждению насильственных преступлений. Они заключаются в следующем.

События последних лет наглядно показали, каково негативное воздействие незаконного оборота оружия на криминальную обстановку. Неконтролируемый оборот оружия создает условия для осуществления наиболее тяжких преступлений. В начале 90-х гг. после распада Советского Союза с его строгой системой контроля за вооружением, на протяжении ряда лет в стране не было эффективной системы контроля за оружием. Если на уровне регионов можно было контролировать оборот гражданского и служебного оружия, то на уровне страны в целом это

было весьма затруднительно. Кроме того, существовали и существуют поныне ведомственные барьеры для контроля за боевым оружием.

В соответствии с Федеральным законом «Об оружии», Законом Российской Федерации «О милиции», Постановлением Правительства Российской Федерации № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» контроль за оборотом гражданского и служебного оружия возложен на Министерство внутренних дел Российской Федерации.

Контроль за оборотом боевого оружия входит в компетенцию государственных военизированных организаций, имеющих его на вооружении; производство, экспорт и импорт оружия – иных федеральных органов. Ведомственные системы учета изолированы друг от друга. Об утратах боевого оружия органы внутренних дел, в обязанности которых входит учет выявленного и утраченного нарезного огнестрельного оружия, независимо от его принадлежности, информируются в ряде случаев ведомствами-пользователями оружия несвоевременно. Единый учет, позволяющий бы получить сведения о ведомственной принадлежности оружия, пока еще отсутствует, хотя определенные мероприятия в этом направлении уже предпринимаются [18].

С большим опозданием, обусловленным различными причинами, в МВД России создается автоматизированная информационно-поисковая система учета оружия (АИПС) «Оружие-МВД», которая позволит установить контроль за оборотом гражданского и служебного оружия на территории Российской Федерации, начиная с момента его производства (ввоза) и заканчивая утилизацией [19].

Значительные трудности имеются в организации и кадровом обеспечении правоохранительных органов. Значительная роль в предупреждении, раскрытии и расследовании отводится сотрудникам оперативных, экспертных подразделений, следователям, сотрудникам подразделений по предупреждению правонарушений несовершеннолетних, участковых уполномоченных милиции. Однако хронический некомплект личного состава в указанных службах зачастую крайне негативно влияет на качество работы.

Достаточно слабо организовано взаимодействие различных подразделений и служб органов внутренних дел по раскрытию и расследованию рассматриваемых преступлений. Неэффективно организована работа сотрудников милиции общественной безопасности, в частности, участковых уполномоченных милиции. В лучшем случае, участковый уполномоченный включается в состав следственно-оперативной группы, его работа ограничивается участием на первоначальном этапе расследования преступления, как правило, формальной отработкой жилого сектора.

Вызывает нарекания и работа нарядов милиции по охране общественного порядка, действовавших в системе комплексного использования сил и средств. Система единой дислокации в ряде органов внутренних дел существует лишь формально.

Отсутствие надлежащего финансирования влияет на оснащенность органов внутренних дел необходимыми техническими средствами. В частности, из-за отсутствия в большинстве экспертно-криминалистических подразделениях соответствующих средств технологии по составлению субъективных портретов, последние используются в раскрытии лишь 15% разбойных нападений, грабежей и других преступлений. Только в 17 регионах Российской Федерации созданы биологические лаборатории, которые не в полной мере оснащены оборудованием и техническими средствами.

Во многом быстрое раскрытие насильственных преступлений и привлечение виновных к ответственности затруднено издержками инфраструктуры населенных пунктов. Далеко не во всех населенных пунктах достаточно имеется средств связи (в сельских населенных пунктах их может и вообще не быть). Граждане вследствие этого очень часто лишены возможности своевременно сообщить о совершенных в отношении них преступлениях, что затрудняет обнаружение доказательств, принятие мер к поиску и задержанию подозреваемых.

Среди факторов, способствующих совершению насильственных преступлений, в частности, в общественных местах, занимает особое место недостаточная их освещенность. Об этом, например, неоднократно поднимался вопрос на заседаниях коллегии ГУВД по Волгоградской области. Несмотря на принятые меры, ситуация с освещением общественных мест в Волгоградской области (как и в других субъектах округа) неоднородна. В частности, в Быковском районе Волгоградской области до настоящего времени освещенность составляет чуть более 20%. За 2006 г. было направлено 14 представлений главе администрации Быковского района и информации прокурору района. Однако, ссылаясь на отсутствие денежных средств в районном бюджете, проблема осталась до сих пор нерешенной. В Даниловском районе Волгоградской области освещенность улиц и площадей составляет 42%. В течение 2006 г. было подготовлено 6 представлений главе администрации муниципального района, 4 раза глава городского посе-

ления привлекался к административной ответственности, было направлено 6 информации главе администрации муниципального района, 4 – прокурору района, 2 – главе администрации городского поселения. Однако меры по улучшению освещенности общественных мест не приняты [20].

Оставляет желать лучшего и материально-техническое и бытовое обеспечение сотрудников милиции, в частности, участковых уполномоченных милиции, на которых выполняют основную часть работы по профилактике преступлений. Например, в Волгоградской области в ряде случаев помещения, выделяемые под участковые пункты милиции, непригодны для работы и требуют значительного вложения денежных средств. Так, в Котельниковском районе администрацией было выделено 14 помещений по участковые пункты милиции, половина из которых нуждается в ремонте. Во Фроловском районе были вынуждены отказаться от двух выделенных помещений ввиду их полной непригодности для работы. Аналогичная ситуация сложилась в Дубовском, Среднеахтубинском, Палассовском, Урюпинском, Серафимовичском, Котовском районах. Из 428 участковых пунктов милиции телефонизировано лишь 288 (67,3%). Менее половины участковых уполномоченных милиции проживают на своей обслуживаемой территории. Аналогичная ситуация сложилась и в обеспечении жильем руководителей органов внутренних дел. В частности, более двух лет находясь в должности, не имеют своего жилья начальники ОВД в Суровикинском, Палассовском, Калачевском районах, а начальник ОВД Даниловского района, не дождавшись решения жилищного вопроса, уволился из органов внутренних дел [21].

Помимо указанных криминогенных факторов насильственных преступлений следует также выделить их виктимологические детерминанты.

Положительные достижения в исследовании причин и условий насильственных преступлений будут тем более существенны, чем глубже и всесторонней станут изучаться все аспекты преступного поведения виновного в предпреступной ситуации, причем в тесной связи с личностью и поведением объекта противоправного деяния, т.е. потерпевшего.

При возникновении неопределенных отношений между преступником и его жертвой очень важной предпосылкой, облегчающей правонарушителю реализацию его преступного замысла и во многих случаях управляющей выбором возможной жертвы, является ее алкогольное опьянение. Человек в состоянии алкогольного опьянения (даже в малой степени) – идеальная жертва для всех преступников, виновных в насильственных и имущественных преступлениях. Ибо алкоголь снижает бдительность и сопротивляемость возможной жертвы, ослабляет критическое восприятие окружающей среды и контроль за собственным поведением, открывает простор низменным инстинктам, подчас толкая выпившего на провокационное поведение. Поэтому более подходящего объекта для оскорбления, вымогательства, ограбления, изнасилования и других противоправных действий потенциальный правонарушитель выбрать не может [22, с. 175].

Не случайно в общем балансе жертв многих преступлений против личности, так же как и имущественных правонарушений, как свидетельствует уголовная статистика, значительное число составляют пострадавшие, находящиеся в момент противоправного деяния в состоянии алкогольного опьянения. Результаты проведенных другими специалистами исследований состояния жертв преступлений против личности свидетельствуют о том, что почти 64% жертв убийств и пострадавших от телесных повреждений, около 26% потерпевших при изнасиловании в момент совершения против них преступления находились в состоянии алкогольного опьянения [22, с. 176].

В литературе по виктимологии справедливо ставится вопрос о вине жертвы преступления. Вина в криминальной виктимологии как социально-психологическая категория выражается в ненадлежащем поведении потерпевшего от преступления детерминированным отрицательным отношением жертвы к интересам общества, его институтов или граждан, т.е. такое поведение жертвы, в котором обнаруживается сознательное или несознательное отношение к исходу преступного деяния и содержатся какие-либо причинные факторы, повлиявшие на асоциальное поведение правонарушителя [22, с. 234-235].

Виновное поведение потерпевшего наиболее часто проявляется в виде его провокационного действия (бездействия), неосторожного поведения или беспомощного состояния.

Беспомощное состояние потерпевшего играет существенную роль также в совершении насильственных преступлений. Например, в изученных делах состояние сильного опьянения жертвы способствовало каждому четвертому изнасилованию и каждому десятому хулиганству.

В понятие «виновное беспомощное состояние» мы вкладываем сознательное или бессознательное доведение жертвой себя (как правило, путем злоупотребления алкоголем, наркотиками или иным способом) до состояния потери нормальной психической и физической реакции на внешние события и полной или частичной утраты контроля за своим поведением. Беспомощное состояние потерпевшего является фактором, способствующим совершению преступления.

мощное состояние лица, наступившее вследствие его болезни, увечия и по другим независящим от жертвы причинам, не может рассматриваться как виновное.

Неосторожное виновное поведение жертвы выражается в несоблюдении ею необходимых в данных конкретных условиях мер предосторожности. Несоблюдение таких мер вызывается самыми различными причинами: элементарная беспечность, самонадеянность, непонимание конечных результатов своих поступков, добросовестное заблуждение и др. [22, с. 236-237]

Однако наиболее распространенным видом виновного поведения жертвы в преступлениях против личности являются провокационные действия со стороны потерпевшего (оскорбление, насилие, угрозы, издевательство и проч.) в отношении причинителя вреда или ближайшего его окружения. В приведенном выше анализе уголовных дел о преступлениях против личности провокация зафиксирована в 24% случаев телесных повреждений, в 12% – грабежей и разбоев, в 44% – случаев хулиганства.

Таким образом, причинный комплекс насильственной преступности неразрывно связан с современными условиями жизни общества, произведен от общих причин и условий преступности и заключается во взаимодействии негативных факторов в социально-экономической, социально-культурной, воспитательной, политической, правовой, организационно-управленческой и технической сферах жизни общества.

Ссылки:

1. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: Криминологический анализ. М., 2006. С. 93.
2. Горелик А.В. Причины преступности в России // Корни и причины преступности в России. М., 2001. С. 21.
3. Ильичев Г. Оптимизма у россиян становится все меньше // Известия. 2005. 22 февр.
4. Косовский В. Февраль. Достать чернил и плакать. Россияне смотрят на жизнь более скептически // Рос. Газета. 2005. 21 февр.
5. См.: Сухарев А.Я. Преступность в России переходного периода. Меры государственного реагирования // Преступность и законодательство. М., 1997. С. 13.
6. Побегайло Э.Ф. Современная криминологическая ситуация и кризис Российской уголовной политики // Российский криминологический взгляд. 2005. № 1. С. 24.
7. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 21.
8. Преступность в России начала XXI века и реагирование на нее / Под ред. А.И. Долговой. М., 2004. С. 83 – 84.
9. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Указ. соч. С. 66.
10. Герасимов С.И. Предупреждение преступности: теория, опыт, проблемы // Законность. 2002. № 2. С. 2.
11. Иванова В.С., Павлухин А.Н., Эриашвили Н.Д. Предупреждение преступлений негосударственными субъектами. М., 2008. С. 25 – 26.
12. Чекалин А.А. Грани системы профилактики // Профессионал. 2007. № 2. С. 4.
13. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Указ. соч. С. 85.
14. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Указ. соч. С. 69.
15. Бойков А.Д. Третья власть в России. Книга вторая – продолжение реформ. М., 2002.
16. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Указ. соч. С. 78, 79.
17. Алексеев А.И. Криминология. Курс лекций. М., 2004. С. 67-68.
18. Невский С.А. Противодействие незаконному обороту оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты). М., 2008. С. 97, 98.
19. О первоочередных мерах по созданию в МВД России автоматизированной информационно-поисковой системы учета оружия: Приказ МВД

References (transliterated):

1. Kudryavtsev V.N., Eminov V.Ye. Prichiny prestupnosti v Rossii: Kriminologicheskii analiz. M., 2006. S. 93.
2. Gorelik A.V. Prichiny prestupnosti v Rossii // Kornii i prichiny prestupnosti v Rossii. M., 2001. S. 21.
3. Il'ichev G. Optimizma u rossiyan stanovitsya vse men'she // Izvestiya. 2005. 22 fevr.
4. Kosovskiy V. Fevral'. Dostat' chernil i plakat'. Rossiyanе smotryat na zhizn' boleye skeptichno // Ros. gazeta. 2005. 21 fevr.
5. Sm.: Sukharev A.YA. Prestupnost' v Rossii perekhodnogo perioda. Mery gosudarstvennogo reagirovaniya // Prestupnost' i zakonodatel'stvo. M., 1997. S. 13.
6. Pobegaylo E.F. Sovremennaya kriminologicheskaya situatsiya i krizis Rossiyskoy ugolovnoy politiki // Rossiyskiy kriminologicheskii vzglyad. 2005. № 1. S. 24.
7. Alekseyev A.I., Ovchinskiy V.S., Pobegaylo E.F. Rossiyskaya ugolovnaya politika: preodoleniye krizisa. M., 2006. S. 21.
8. Prestupnost' v Rossii nachala XXI veka i reagirovaniye na neye / Pod red. A.I. Dolgovoy. M., 2004. S. 83 – 84.
9. Alekseyev A.I., Ovchinskiy V.S., Pobegaylo E.F. Ukaz. soch. S. 66.
10. Gerasimov S.I. Preduprezhdeniye prestupnosti: teoriya, opyt, problemy // Zakonnost'. 2002. № 2. S. 2.
11. Ivanova V.S., Pavlukhin A.N., Eriashvili N.D. Preduprezhdeniye prestupleniy negosudarstvennymi sub'yektami. M., 2008. S. 25 – 26.
12. Chekalin A.A. Grani sistemy profilaktiki // Professional. 2007. № 2. S. 4.
13. Kudryavtsev V.N., Eminov V.Ye. Ukaz. soch. S. 85.
14. Alekseyev A.I., Ovchinskiy V.S., Pobegaylo E.F. Ukaz. soch. S. 69.
15. Boykov A.D. Tret'ya vlast' v Rossii. Kniga vtoraya – prodolzheniye reform. M., 2002.
16. Alekseyev A.I., Ovchinskiy V.S., Pobegaylo E.F. Ukaz. soch. S. 78, 79.
17. Alekseyev A.I. Kriminologiya. Kurs lektsiy. M., 2004. S. 67-68.
18. Nevskiy S.A. Protivodeystviye nezakonnomu oborotu oruzhiya, boyepripasov i vzryvchatykh veshchestv (istoricheskiye, kriminologicheskiye i ugolovno-pravovyye aspekty). M., 2008. S. 97, 98.
19. O pervoocherednykh merakh po sozdaniyu v MVD Rossii avtomatizirovannoy informatsionno-poiskovoy sistemy ucheta oruzhiya: Prikaz MVD Rossii ot 15

- России от 15 июня 1999 г. № 437.
20. Цукрук М. Консолидируя усилия. О взаимодействии с органами власти и управления // Профессионал. 2007. № 4. С. 30.
 21. Цукрук М. Консолидируя усилия. О взаимодействии с органами власти и управления // Профессионал. 2007. № 4. С. 31-32.
 22. Полубинский В.И., Ситковский А.Л. Теоретические и практические основы криминальной виктимологии. М., 2006.

- iyunya 1999 g. № 437.
20. Tsukruk M. Konsolidiruya usiliya. O vzaimodeystvii s organami vlasti i upravleniya // Professional. 2007. № 4. S. 30.
 21. Tsukruk M. Konsolidiruya usiliya. O vzaimodeystvii s organami vlasti i upravleniya // Professional. 2007. № 4. S. 31-32.
 22. Polubinskiy V.I., Sitkovskiy A.L. Teoreticheskiye i prakticheskiye osnovy kriminal'noy viktimologii. M., 2006.